

4 ● Анонс страницы: ДЕЛО ЕГО ЖИЗНИ

ПРОСНУТЬСЯ знаменитым. Впервые это было сказано, кажется, о Байроне, когда читающая Англия открыла для себя «Чайльд-Гарольда»...

Режиссер Булат Мансуров и оператор Ходжакули Нарлиев, молодые, одержимые любовью к экрану, «проснулись знаменитыми» тихим сентябрьским утром 1964 года во Фрунзе. Первая их совместная работа — «Состязание» — стала победителем регионального кинофестиваля. Вручая им высшую награду жюри, Чингиз Айтматов по-мужски крепко поцеловал Булата и Ходжакули, что-то сказал ободряющее растерянными ребятам. В тот день они убежали от рукоплесканий, от объятий новых друзей, от предстоящего банкета с тостами и поздравлениями — убежали в тесный гостиничный номер. И тут, обняв друг друга за плечи, пряча глаза от стыда, разрыдались, как мальчишки, от нахлынувших сложных чувств... «Состязание» долго не принимали в Ашхабаде, трудно пробивало оно дорогу к экрану.

Острая по идейно-социальной направленности, страстная и глубокая по постановке проблем войны и мира, отношений народа и власти, назначения искусства и долга художника, выразительная по поэтическому киноязыку, эта историко-философская картина на долгие годы определила пути раз-

вития нашего художественного кинематографа. И не только туркменского. Тот же Чингиз Айтматов в рецензии на «Состязание» в «Советской культуре» писал: «Подобного произведения в среднеазиатском кинематографе, по моему, еще не было. Оно стоит рядом с творениями мирового искусства. После этого фильма многим надо пересмотреть свое творчество в кино и на сцене, работать по-прежнему уже нельзя, критерии резко подскочили вверх».

«Состязание» было дебютом Мансурова, но не Нарлиева: Ходжакули окончил ВГИК тремя годами раньше своего друга и успешно работал на «Туркменфильме» — в документальном кино. У него было уже несколько добротных снятых (в качестве оператора) очерков — «Твои глаза», «Кара-Богаз», «По Туркмени», «Хозяева земли». Была успешная «проба камеры» в художественном кино: вместе с режиссером Х. Агахановым он снял трехчастную историко-революционную ленту «Последняя дорога» (об изгнании английских интервентов из Туркестана). Но все это было, по строгому счету, только накоплением профессиональных навыков, поисками своего стиля...

«Состязание» было началом встречи двух художников. Нашли друг друга не только люди одного поколения (Ходжакули и Булат — ровесники) и одного миро-

понимания. Встретились два человека одного строя художественного, эмоционального мышления, одинаковой силы влюбленности в кинематограф. Люди, знающие, что они хотят сказать в искусстве, что утверждают в жизни и что ненавидят в ней, против чего станут бороться до конца.

Эта общность целей в жизни и в искусстве после «Состязания» с особенной силой

проявилась во второй совместной работе Мансурова и Нарлиева — в двухсерийной ленте по роману Юрия Трифонова «Утоление жажды».

Большой советский актер Петр Алейников был приглашен на роль рабочего Марютина. Он прилетел из Москвы в Захмет, где шли съемки, и в первые дни, свободный, ходил по съемочной площадке, приглядываясь к киногруппе, молчал, углубленный в себя. В один из вечеров, видимо, одолев психологический барьер недоверия к молодому режиссеру, спросил Мансурова:

— Названье-то картины менять не будешь? — (У Булата мелькала такая мысль). Мансуров ответил что-то вроде «подумать надо». — Не надо, — очень тихо попросил Петр Мартынович. — Для меня эти съемки тоже... утоление...

Алейников не снимался больше десяти лет, о нем словно забыли. Ролью Марютина, филигранно отделанной, последней из сыгранных им на экране, артист утолил, наконец, свою непреходящую жажду жизни в искусстве...

Не только для Алейникова — для всех нас, участвовавших в создании картины в напряженной, немисливо раскалиенной атмосфере грудных поисков, потерь и озарений, она стала родниковой водой в пустыне, долгим и сладостным утолением жажды творчества. И больше всех — для Ходжакули Нарлиева: он был не только главным оператором фильма, но и инженером Караба-шем — главным героем, ломающим обветшалые каноны в гидростроительстве, и директором киноленты...

Случилось так, что группа осталась без директора: прежнего пришлось уволить за нерасторопность и финансовые аферы. Обязанности директора возложили на Нарлиева. Вместе с Мансуровым он после труднейшего

съемочного дня — иногда глубокой ночью — собирал основной костяк киногруппы, выясняя готовность к завтрашним съемкам. Что на завтрак в столовой? Подвезли ли воду со станции, что в тридцати километрах? Сколько бульдозеров прибудет на съемки через два дня? Выслан ли автокран со студии? Как чувствует себя Петр Мартынович, отправленный вчера в областную

больницу? Когда возвращается из Италии в Захмет артист Олег Жаков?.. А в шесть утра Ходжакули уже на съемочной площадке — за камерой, но в костюме Караба-ша: значит, и сегодня он будет и снимать, и сниматься...

Нет, он не был двуличным. И не обладал железным здоровьем. Когда я думаю о том, что помогло Ходжакули тогда довести до конца эту титаническую работу, вспоминаю прежде всего, что это человек огромного жизнелюбия, нравственной цельности, преданности долгу, ответственности перед людьми, человек, одержимый жаждой творчества, неутоленной и неутолимой.

Все эти качества человека и художника особенно, как говорится, весомо и зримо проявились в Нарлиеве, когда — после третьей и последней с Мансуровым картины «Рабьяны» — он оставил операторскую работу (травма глаза во время съемок) и стал режиссером.

ХОДЖАКУЛИ пришел в режиссуру в трудные для студии минуты, когда, что называется, сним план. Он с честью справился с ответственным поручением и снял фильм «Человек за бортом». При всех драматургических просчетах картины она, как писала центральная пресса, «...обнаружила в молодом режиссере художника серьезного, пытливого, тяготеющего к крупным образительным формам».

Слова оказались пророческими. В творчестве Нарлиева счастливо сочетается то, что Сергей Эйзенштейн называл «феноменом идеального кинематографиста»: емкость психологического мышления литератора, глубина экранного мышления режиссера и графическая точность операторского видения кадра, чувство внутрикадрового монтажа. И активная граж-

данская и идейная позиция в искусстве и в жизни, — добавим мы.

У всех, кто любит кинематограф, на памяти триумфальное шествие нарлиевской «Невестки» по экранам пяти континентов. Она достойно представляла туркменский и весь многонациональный советский кинематограф на Всесоюзном кинофестивале в Тбилиси, на международных фестивалях в

Швейцарии и Венеции, США и Франции, Алжире и Австралии, Японии и Болгарии, в Сорренто (Италия) и Югославии. О «Невестке» как о большом событии в мировом кинематографе писали сотни газет и кинематографических журналов, говорили Федерико Феллини и Анн Филлип (жена и друг великого Жерара Филиппа). Она представляла советское кино в дни Советского Союза в ООН. Более десяти высоких наград различных кинофестивалей за эту поэтическую, протестующую против войны и бесчеловечности, грустную, но светлую в своей печали и оптимизме картину получили ее создатели. Удостоились они и Государственной премии СССР. «Невестка», как раньше «Состязание», вошла в золотой фонд киноискусства, стала советской киноклассикой: по ней учат режиссуре во ВГИКе.

Одна за другой последовали за «Невесткой» талантливые, столь разные тематически, но единые в своем стремлении утвердить Человека, возвысить в нем все доброе, светлое, обличить насилие и зло, картины: «Когда женщина оседлает коня», «Умей сказать «Нет!», «Дерево Джамал». Вместе с «Невесткой» эти ленты сложились в Сагу о туркменской женщине, красоте ее души, высоте ее духа, человеческом достоинстве, воплощении любви, долга, терпения и материнства.

Одна из названных картин — «Дерево Джамал» — вслед за «Невесткой» обошла многие страны мира, а 23 страны приобрели ее на туркменском языке. Она представляла наше кино на больших кинофорумах. На XIV Всесоюзном и XII Международном Московском кинофестивалях она была отмечена четырьмя призами и дипломами жюри — за режиссуру и актерское мастерство Майи Аимедовой, специального диплома Комитета советских женщин. Вот что

писала в те дни «Правда» о туркменских художниках: «И режиссер, и актриса развели близкую им тему духовной красоты простого труженика. Кадры поэтические, метафорические соседствуют с бытовыми эпизодами, снятыми психологически точно, щедро окрашены национальным колоритом... Ходжакули Нарлиев показал себя как художник, умеющий правдиво, без прикрас изобразить народную жизнь, раскрыть ее поэтическую, лирическую стихию. Несомненно, творчество этого мастера приносит свою яркую краску в палитру многонационального советского киноискусства».

Очень высокая и заслуженная оценка не только фильма — всего творчества Ходжакули Нарлиева. Ее подтвердила Государственная премия СССР имени Махтумкули, которой удостоились создатели «Дерева Джамал» в 1985 году.

Не все равноценно в творчестве Нарлиева и режиссера. Но неудача или полудача, какой, скажем, стала лента «Каракумы, 45 градусов в тени», когда гигантский фонтан огня на газовом промысле затмил характеры иных героев картины, не обескураживает ищущего мастера. Именно об этой твердости духа и вере в свои силы говорит первый фильм задуманной Нарлиевым большой кинодилогии о великом национальном поэте и мыслителе Махтумкули. По достоинству высокую оценку проницательного зрителя, республиканской и центральной прессы получила картина «Фраги — разлученный со счастьем». Это лента еще не о поэте Махтумкули. Она — о талантливом юноше с поэтической душой, вступающем в мир с чистым сердцем и добрыми устремлениями, ищущем себя в этом неустоенном, взбудораженном, противоречивом мире красоты и насилия, мудрости и бесцеремонности, о юноше, познающем беды и страдания народа, поруганную любовь, гибель друзей и братьев... Зрелость, мастерство, мудрость сердца и разума придут к нему потом, в годы страданий, в тяжкой разлуке с родиной. Ныне Ходжакули и его соавторы — Булат Мансуров и Морис Симашко — работают над сценарием о зрелых годах, скитаниях, возвращении и смерти поэта. Но съемки будут еще не скоро (и предстоят они не только у нас, но и в Индии, Турции, Сирии — с кинофирмами этих стран идут переговоры о сотрудничестве).

Дело это затаенное, а «творческий просток» несомненно с художественным темпераментом Ходжакули. И он в эти дни приступает к другой, не первый год выполняемой работе: созда-

нию философской и трагической ленты «Птица-Память» (название условное) — по мотивам одной из новелл известного романа Чингиза Айтматова «И дольше века длится день». Фильм-легенда о манкурте — человеке, насильственно лишенном памяти и павшем до уровня двуногого животного. У кого нет прошлого, у того нет ни родины, ни матери, ни любимой, ни корней, питающих его дух и разум: память — категория нравственная, социальная. Эту мысль, пронизывающую роман Ч. Айтматова, Нарлиев намерен воплотить средствами экранного искусства.

— Мне близок преданный Айтматовым способ мышления, — говорит Ходжакули. — Он определяет язык и стиль будущей картины — стиль поэтического реализма. Мне дорога возможность передать стремление человека и общества в целом к воплощению высших социально-нравственных идеалов через образ Матери. Материнская любовь — надежда на то, что человек сумеет не только выжить, но и сохранить свою душу.

Размеры газетной статьи не позволяют подробно рассказать о том, как Ходжакули Нарлиев уже многие годы сочетает эту подвижную работу в киноискусстве с активной общественной деятельностью. В минувшем году его третий раз избрали первым секретарем Союза кинематографистов СССР. Он — член Советского комитета защиты мира, Республиканского комитета по присуждению премии им. Махтумкули, туркменского отделения Общества советско-арабской дружбы. Ко всем этим и иным обязанностям относится с присущей ему добросовестностью и деловитостью.

Сегодня народному артисту СССР, лауреату Государственных премий СССР и СССР имени Махтумкули — 50 лет. Бывают в жизни каждого из нас даты или события, которые, хочешь того или нет, заставляют, по слову поэта, «остановиться, оглянуться...». Полвека — одна из тех высот, с которой виден и пройденный путь, и открывающиеся новые горизонты. Позади у Ходжакули — около тридцати лет служения туркменскому кинематографу, талантливые свершения. Впереди — не менее трудная, тернистая, крутая дорога поисков и новых находок. А дорогу, как, известно, одолевает идущий.

Доброго тебе пути, Мастер, и добрых спутников в жизни и искусстве!

Х. ГУСЕИНОВ.

Фото Ал. ГУСЕИНОВА.